

Дом
на Птичьем
острове

ТАША МУЛЯР

Рожденная быть второй

книга первая

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М90

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
Виктории Давлетбаевой

Редакция благодарит Ирину Рекунову
за фото автора на обложку

Муляр, Таша.

М90 Дом на птичьем острове. Книга первая. Рожденная быть второй / Таша Муляр. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.: ил. — (Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр).

ISBN 978-5-04-214334-2

Юная Василиса растет в станице Должской — удивительном краю, где процветает рыбный промысел, где тянутся прекрасные поля и зеленеют сады. Василиса ведет такую же жизнь, как и ровесницы в ее станице, — дома она помогает по хозяйству, учится в школе, любит проводить время на Азовском море, и особенно на маленьком клочке земли на песчаной косе, который местные называют Птичьим островом. Но в год своего шестнадцатилетия, в самый разгар знойного лета, девушка впервые влюбляется, и это прежде неизвестное чувство переворачивает весь ее привычный мир. Дорожа им как своим главным сокровищем, Василиса еще не догадывается, что любовь может принести немало испытаний, а впереди ее и самых близких ей людей ждут большие перемены. «Рожденная быть второй» — первая часть романа «Дом на птичьем острове» популярного блогера и писателя Таши Муляр и начало большой истории о взрослении, поиске самой себя и своего истинного счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таша Муляр, текст, 2025
© Давлетбаева В.В., иллюстрации, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ISBN 978-5-04-214334-2

Содержание

Глава первая. Детство.....	11
Глава вторая. Мальчик на белом коне.....	57
Глава третья. Птичий остров	129
Глава четвертая. Письма.....	165
Глава пятая. Побег.....	245

*Ибо не муж от жены,
но жена от мужа.*

1Кор. 11: 8

Дорога была длинной. Поворот за поворотом, в горку и под горку. Белоснежная лента без конца и края с редкими угольно-черными проталинами, обледеневшими к вечеру, напоминала о неторопливости сибирской весны. Дорога петляла и прятала своих путников, замечая следы, которые отважно, километр за километром прокладывал узик цвета еловой хвои, прозванный в народе «буханкой». Он казался маленькой букашкой, медленно и бесстрашно ползущей по огромной пушистой белой с подпалинами собаке.

Высокая, стройная девушка в ярком васильковом шерстяном платке, точно повторяющем цвет глаз, сиявших на контрасте с полумраком салона, изо всех сил, до боли в окоченевших пальцах, держалась за ледяные узкие доски лавочки, чтобы не скатиться на пол на поворотах, сожалея о том, что наотрез отказалась садиться рядом с водителем, хотя ее уговаривали всем коллективом автобазы. Возле него была пусть чуть теп-

лая, но печь, пусть и ледяная, но ручка над маленьким, покрытым инеем боковым окном, за которую можно держаться и не летать по всему салону.

Теперь же она болталась в холодном пространстве «буханки», не имея возможности согреть голые колени. Вот ведь вырядилась, дурында, хотела выглядеть получше! Пусть он запомнит их встречу такой... А может ли он вообще помнить?.. Надо же было додуматься надеть тонкие колготы и пальто «из чебурашки», собираясь в Сибирь, да еще отказаться ехать на пассажирском месте в кабине, где дерматиновое сиденье, а не ледяная лавочка... Хорошо, что женщина на автобазе сжалась над ней и в последнюю минуту сунула в салон этот ненормально яркий платок. Как же она была сейчас ей благодарна! Без этого платка пришлось бы совсем плохо — шапочка черных, коротко стриженных «под мальчика» волос уж точно не грела.

«Не ври сама себе, не для него ты наряжалась, а для того, второго, от которого сбежала, а теперь сама каяться едешь», — вела она бесконечный внутренний монолог, пытаясь справиться с сомнениями и тревогами, раздирающими ее изнутри.

Удивительно, но ей было совсем не страшно, хотя в другое время этот мрачный мужик-водитель, воняющий рыбой, дешевым табаком вперемешку с запахом уставших носков и ароматом тотального холостячества, а может, пронзительного вдовства, привел бы ее в состояние ледящего ужаса. А отсутствие населенных пунктов на десятки километров вокруг, гулкое дорожное одиночество и завывающий ветер, щедрыми горстями бросающий снежную крупку на лобовое стекло машины, забывая шустрые дворники, не справляю-

щиеся со своей тяжелой работой, вызвали бы в ней чувство, близкое к панике.

Сегодня же дорога казалась ей восхитительно прекрасной. Водитель насвистывал веселую песню — что-то там о родном доме, его терпкий запах смешивался со свежим еловым духом, пробивающимся сквозь заиндевевшие окна и наполняющим салон «буханки» ароматом надежды. Рой радостных снежинок сопровождал их, прогоняя ощущение одиночества от перемещения по бескрайней зимней таежной дороге. А может, отчаянно борясь с внешним холодом и внутренними демонами сомнений, стараясь сохранить равновесие, она просто не успевала испугаться.

— Еще полчаса — и доедем, дочка! Поди, уж заждалась? Вот встреча-то будет! Повезло мальцу! — крижистый мужичок-водитель вполоборота посмотрел на свою симпатичную молодую пассажирку, пытавшуюся отогреть дыханием тонкие пальцы, покрасневшие от холода, несмотря на тяжелые меховые рукавицы, выданные ей начальником автобазы.

На очередном крутом повороте водитель чуть не потерял равновесие и еще крепче вцепился в баранку:

— Только бы не заглохла, давай, старушка, мчи! Застрять ночью в тайге — верная погибель!

И он всем телом вжался в руль, пытаясь помочь своей бывалой «буханке» мчать в наступающую тьму и крепчающий морозец, вытянулся, подался вперед и приник к лобовому стеклу, стараясь разглядеть дорогу сквозь вихрь снежинок, которые плясали в двух ярких лучах фар, пронзающих таежную темень.

— Не заглохнем! Все будет хорошо! — перебивая гул мотора и шум ветра, ответила девушка. Она

приникла к окну, дышала на стекло, тыльной стороной ладони протирая на нем круги, пытаясь разглядеть в темноте огни поселка, в который они ехали. Высоченные ели-великаны благосклонно расступались перед их маленьким фургоном, открывая дорогу, словно оберегая от опасностей и давая негласное разрешение ехать дальше.

Вглядываясь в холодную влажную тьму, она уговаривала саму себя: «Да, ему, конечно, будет приятно, что я все-таки приехала, что успела и он теперь пойдет не один. Ну почему я бываю такой вредной дурой?..»

1

Г л а в а

Д е т с т в о

— Вась, Васенька, вставай, дочка. — Вася сквозь сон слышала голос матери, как всегда, уже в шесть утра бодрый и звонкий. Морок сна не отпускал. Сегодня во сне было так хорошо. Она встретила с высоким стройным красавцем, тот пересекал степь на белом коне и звал ее за собой, а она стояла, замороженная, решаясь протянуть руку и пойти следом, и только страх не понравиться ему останавливал ее... А тут опять мама!

Чуть приподнявшись на локте, Вася вытянула шею и выглянула в окно. Во дворе что есть мочи, уже на протяжении часа, горланил их местный красавец — любимец кур петух Молчун. Имя он получил от своего предшественника. Когда-то у них был скромный и тихий петушок, за что и был назван Молчуном, после чего, видимо, осмелел, обжился и потом всю свою петушину жизнь до супа горланил так, что не только семье Васьки, а и всем соседям будильники не требовались. В память о нем всех петухов в их семье называли Молчунами.

Васька к петуху привыкла, даже была ему благодарна: он был ее личным будильником. Если Молчун заорал, значит, мама уже встала и пошла кормить живот-

ных, еще полчаса можно поспать, а потом она придет Васе волосы заплетать. Ох уж эти прически!

— Ну почему все девочки должны ходить с косами, а, мам? — ныла она каждый день, с неохотой вставая для этой процедуры. Васькина мама убежала на свою работу в совхоз раньше всех. До этого ей нужно было поухаживать за многочисленными курами, гусями, утками, кроликами, подбодрить на подвиги Молчуна, выпроводить корову на местные луга, куда Буренка отправлялась в компании своих подруг и пастуха Семена — молодого разгильдяя, периодически забывавшего пройти мимо их дома. А еще мама успевала приготовить завтрак мужу и детям, собиралась сама и спешила на автобус, который отвозил ее в сады, где она работала в должности агронома.

Важным пунктом утренних приготовлений были косы дочери. Вася выходила в школу в восемь утра. К этому моменту мамы уже не было дома. Царствовала бабуля. Она спешила к ним из своего дома, тоже встав вместе с солнцем. «Ну как им это удастся?» — недоумевала всегда сонная Васька.

Чтобы все успеть, Галина Игоревна будила дочь в шесть утра и быстро заплетала в косы непослушные завитки длинных, струящихся черных волос. Ваську не стригли никогда.

— Ты что, мать, это же такое богатство! Не будем стричь! — говорил Михаил Васильевич, отец. А отца все слушались. С ним никто не спорил. В первую очередь с ним никогда не спорила мама, ну и, как следствие, все остальные. Он даже не разрешал им с матерью надевать старые тренировочные штаны или футболки с небольшой дырочкой, если они собирались заниматься какой-нибудь грязной работой по дому. Отец был категориче-

ски против брюк на женщинах: «Не женственно это». Поэтому у них с матерью было множество домашних халатиков с запахом, очень, кстати, удобная конструкция, выгодно подчеркивающая фигуру. Эти самые халатики покупались в сельпо или, что бывало чаще, шились на заказ, благо портних в станице хватало. Так Вася и росла: с волосами почти до бедер, в халатиках и платьишках в душевный девичий цветочек.

А еще — ленты и банты. Да, это отдельная история. Они не продавались в станице. Были дефицитом, как и фабричная колбаса, которая вроде бы вкусная, а самим не сделать. Каждый раз, когда кто-то из знакомых матери с отцом ехал в большой город — Краснодар или Ростов-на-Дону, а то и Москву, мама заказывала для дочери ленты. Больше всего ценились новые гофрированные, которые появились не так давно. Их не нужно было гладить, и бантики хорошо держали форму. У Васи была уже целая коллекция таких бантов. В шкафу выделили отдельный ящик, в котором они лежали стройными рядками рулончиков, разложенные по цветам и оттенкам — от светлого к темному.

Прическу мама каждый день ей делала новую. Это тоже было очень важно. Для кого? Наверное, для мамы и папы, а Вася просто принимала это, тоже считая важным.

Она вставала в шесть утра, садилась на табуретку возле кровати как была — в трусиках и маечке, со слипшимися ото сна глазами, чуть сторбленная, теплая, как

маленький пушистый котенок. Мама большим гребнем распутывала темные волосы, всегда причитая и радуясь тому, что дочка не в нее пошла, а в отца.

— Вот какие же у тебя богатые волосы, дороже золота! Мне в моем детстве и не снились такие. Плести — одно удовольствие! А прическа как красиво смотрится! — Она ловко отделяла пряди, вплетала ленты, собирала «корзиночку» из двух или четырех кос и завязывала концы лент бантами. Затем, чмокнув в щечку заспанную мордашку дочери, легонько поднимала ее за плечи, чуть подталкивая обратно к постели:

— Принцесса наша! Ну, иди, еще часик у тебя есть, поспи. Портфель ведь собрала с вечера?

Мама откидывала одеяло, забираала подушку и вместо нее водружала на кровать специально сшитый круглый валик, набитый гречневой шелухой. Василиса ложилась шеей на валик, голова с бантами была как бы на весу, и прическа не портилась. Потом бабуля кормила их с братом приготовленным мамой завтраком — яичницей с ярко-оранжевыми кругляшами желтков, свежим белоснежным хлебом с куском домашней насыщенно-бордовой колбасы, остро пахнущей специями и чесноком, который мама добавляла везде, считая, что он — от всех бед и болезней. Завершался завтрак кружкой сливочного молока, и если бабуля напекла, то и ноздреватыми кружевными блинками. После бабуля поправляла ей банты, приглаживала гребнем распушившиеся вокруг лица любопытные кудряшки, выдавала портфели, и они с братом выходили в сад или в школу.

Но все это было раньше, когда Вася была маленькой. После того как в ее двенадцать лет родилась Маргарита — младшая сестра, она постепенно научилась сама